

«И, В ГРОБ СХОДЯ, БЛАГОСЛОВИЛ» (ЭКЗАМЕН В ЦАРКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ В ОЦЕНКЕ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА)

В. А. Черкасов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
cherkasov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается переосмысленная В. Ф. Ходасевичем в биографии «Державин» (1931) знаменитая встреча двух гениев русской поэзии Г. Р. Державина и А. С. Пушкина на экзамене в Царском Селе, состоявшемся 8 января 1815 года. В изображении участников этой встречи В. Ф. Ходасевич следует принципу «двупланности», заданному в пушкинском воспоминании, однако при этом существенно его трансформирует. Биограф распространяет указанный принцип, примененный А. С. Пушкиным в отношении Державина, на личность самого мемуариста, а также его близкого друга А. А. Дельвига. Он реинтерпретирует воспоминания А. С. Пушкина о встрече с Г. Р. Державиным, опираясь на творчество мемуариста в его полном объеме, прежде всего на его поэтическую версию.

Ключевые слова: житнетворческая модель, литературная личность, биографическая личность, иерархия русских писателей.

«Пушкин – наше все». Эта мысль была высказана очень давно, но только с течением времени постепенно выяснялась ее глубина и мудрость. Для почитателей А. С. Пушкина как-то само собой разумеется, что этим «все», то есть нашим национальным символом, культурным и идеологическим маяком в океане мировых цивилизаций, оказывается не политический лидер, бизнесмен или, например, звезда шоу-бизнеса, не знаменитый ученый, которых у России тоже немало, не военачальник или спортсмен, словом, не представитель востребованных в наше время общественно значимых видов человеческой деятельности, а поэт. И это знаменательно, ибо означает бессмертие фундаментальной традиции русской культуры, самой ее души – ее литературоцентричности. Таким образом, в нашем представлении значимость Царкосельского лицея полностью определяется тем обстоятельством, что из его стен вышел величайший русский поэт А. С. Пушкин. И когда мы, пытаясь угадать причины его гениального явления, знакомимся с лицейскими учебными программами и курсами, с личностями преподавателей, наставников и воспитанников этого учебного заведения, мы с особым пристрастием изучаем именно те факты, которые так или иначе связаны с началом, формированием и развитием поэтической деятельности его самого знаменитого ученика. В этой связи одним из самых знаменательных событий является экзамен по «российскому языку», состоявшийся 8 января 1815 г., где в присутствии «первого поэта» того времени Г. Р. Державина А. С. Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», во многом навеянное творчеством старшего современника, и заслужил от того восторженную оценку. Именно после этого события А. С. Пушкин был по достоинству оценен ведущими поэтами, писателями и культурными деятелями того времени В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, А. И. Тургеневым, Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским и т. д. Он был принят в их круг как равный. Встреча двух великих поэтов, произошедшая на упомянутом экзамене, старшего, сходящего с поэтической сцены и передававшего свою «лиру», свое звание «первого поэта» младшему, давно стала одним из самых известных в русской культуре архетипов прежде всего благодаря самому А. С. Пушкину, неоднократно возвращавшемуся в своем творчестве к ее оценке как к судьбоносному моменту в своей биографии человека и поэта.

В послании «К Жуковскому», предположительно написанном в конце 1816 г., то есть уже через полгода по смерти Г. Р. Державина, А. С. Пушкин впервые трактует свою встречу с Г. Р. Державиным как мистический акт посвящения в поэты:

*И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной [1, с. 133].*

В 8-й главе «Евгения Онегина», написанной в Болдине осенью 1830 г., А. С. Пушкин с классической чеканностью сформулировал жест Г.Р. Державина как акт благословения, который оказался решающим для становления его музыки:

*И свет ее с улыбкой встретил;
Успеха нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил [2, с. 140].*

Наконец, в конце 1835 года, за год с небольшим до гибели, А. С. Пушкин снова обратился к воспоминанию о знаменательном в своей жизни событии, на этот раз в прозаической форме: «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 г., на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостью. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...» [3, с. 47].

Как заметил современный исследователь В. А. Кошелев по поводу портрета Г. Р. Державина, приведенного в данном воспоминании: «откровенная ироничность и «физиологичность» деталей не мешает торжественности целого» [4, с. 13]. И далее: «... детали эти не «снижают» облика Державина» [там же, с. 13]. По мнению В. А. Кошелева, «двупланность» образа Г. Р. Державина в воспоминании А. С. Пушкина была обусловлена неоднозначным отношением нового поколения поэтов, к числу которых принадлежал и мемуарист, к творчеству их старшего современника, продолжавшего сохранять звание «первого поэта» лишь благодаря своим прошлым заслугам, но отнюдь не своим новейшим творениям, с их точки зрения, совершенно неприемлемым.

Однако в нашей работе мы хотели бы познакомить читателей не с новейшей по времени интерпретацией пушкинского воспоминания о Г. Р. Державине, точнее говоря, не только с ней, а прежде всего с тем освещением значимой для всей последующей судьбы русской поэзии встречи двух ее величайших гениев, которое предложил замечательный пушкинист XX в. В. Ф. Ходасевич в своей художественной биографии «Державин» (1931).

В изображении участников приведенной сцены экзамена из пушкинского воспоминания В. Ф. Ходасевич следует указанному принципу «двупланности», однако при этом существенно его трансформируя. Во-первых, он переосмысливает ироничный домисел А. А. Дельвига по поводу «прозаического» вопроса Г. Р. Державина в коде приписываемого А. С. Пушкину четверостишия:

*За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно [1, с. 348].*

Эти стихи были опубликованы П.И. Бартевым со следующим пояснением: «Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: «Я еще накануне расстроил себе желудок, к тому же пришел Кюхельбекер; я и остался дома». Это рассмешило Пушкина, и он стал преследовать поэта стихами «За ужином» и т. д.» [1, с. 348]. В данном четверостишии А. С. Пушкин шутит над графоманскими стихами своего лицейского приятеля В. К. Кюхельбекера за их неудобоваримую тяжеловесность и ученое занудство (Кюхля, как звали Кюхельбекера его лицейские товарищи, увлекался немецкими поэтами XVIII – XIX вв., а самого глубокомысленного из них Ф.-Г. Клопштока буквально боготворил). При чтении плохих стихов В. К. Кюхельбекера арбитр изящного вкуса нового поколения поэтов В. А. Жуковский, в изображении А. С. Пушкина, испытывает чувство эстетиче-

ской тошноты. Однако в письмах из Кишинева и Михайловского А. С. Пушкин употребляет изобретенный им неологизм «кюхельбекерно», чтобы определить испытываемое им чувство экзистенциальной тошноты, вызванной тяжелыми условиями пребывания в ссылке.

По В. Ф. Ходасевичу, накануне экзамена «Дарья Алексеевна <супруга Г. Р. Державина – В. Ч.>, должно быть, не доглядела, и Гавриил Романович за ужином опять съел лишнее» [5, с. 376]. В результате, тот плохо спал ночью, а, чтобы успеть к экзамену, встать нужно было очень рано. По дороге в Царское, по словам В. Ф. Ходасевича, «...Державина стало укачивать. Он жалел, что перед отъездом не разбудил Максима Фомича, доктора, и не принял рвотного. Когда, уже белым днем, миновали первые дома Царского и въехали под лицейскую арку, Державину сделалось невтерпеж» [5, с. 377]. То есть Г. Р. Державин, по Ходасевичу, терпел тошноту, а не иную физиологическую нужду, как полагал А. А. Дельвиг в передаче А. С. Пушкина. К физическим мукам, согласно В. Ф. Ходасевичу, добавилась мука нравственная, когда поэт в числе прочих почетных гостей вынужден был выслушивать поверхностные (и заранее подготовленные) ответы лицеистов, того же В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, А. С. Пушкина. В данном эпизоде В. Ф. Ходасевич прямо цитирует воспоминания последнего, однако при этом сильно ретуширует его портрет Г. Р. Державина, выдвигая на первый план «парадные» детали, заимствованные у В. Л. Боровиковского, и устраняя всякий намек на упоминаемые мемуаристом «колпак» и «халат» в исполнении А. А. Васильевского. Сравнить: «Экзамен очень утомил Державина. В красном мундире украшенном орденами, сияя бриллиантовой короной Мальтийского креста, сидел он, подперши рукою голову и расставив ноги в мягких плюсовых сапогах. «Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы». Он дремал все время, пока лицеистов спрашивали из латинского языка, из французского, из математики и физики» [5, с. 377]. На наш взгляд, В. Ф. Ходасевич в данном эпизоде своего повествования как бы внушает читателю вопрос: кто же довел этого заслуженного человека до столь «кюхельбекерного» состояния? Ведь, когда начали читать его собственные стихотворения, гениальность которых уже в то время была несомненной, по словам самого А. С. Пушкина, которые полностью цитирует В. Ф. Ходасевич, «...он оживился: глаза заблестали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной» [5, с. 377]. Конечно, здесь А. С. Пушкин иронизирует над тщеславием впавшего в детство маститого старца. Однако, в передаче В. Ф. Ходасевича, подобный живой отклик Г. Р. Державина на поэзию *per se* говорит о жизненности его гениальных способностей, а сама его реакция напоминает о поведении пушкинского поэта, полностью и мгновенно преображаемого чудом «Божественного глагола».

Во-вторых, В. Ф. Ходасевич распространяет принцип «двупланности», примененный А. С. Пушкиным в отношении Г. Р. Державина, на личность самого мемуариста, а также его близкого друга А. А. Дельвига. В изображении В. Ф. Ходасевича последний предстает перед читателем в фарсовом образе «круглого, подслеповатого лицеиста с белобрисой круглою головой» [5, с. 377] в силу своей нравственной и мировоззренческой близорукости, привязанности к «земной» системе координат и ценностей, обреченного на искаженное восприятие явлений и, следовательно, на их превратное истолкование. А. С. Пушкин же изображается В. Ф. Ходасевичем как «проказливый сочинитель» [5, с. 375], не слишком разбирающийся в средствах для удовлетворения своего поэтического тщеславия; как малосведущий в русском языке и логике стихотворец. В этой связи В. Ф. Ходасевич реконструирует историю появления того рукописного варианта «Воспоминаний в Царском Селе», который предназначался автором в дар Г. Р. Державину. В этой версии, по В. Ф. Ходасевичу, стремясь соблюсти правила хорошего тона и не нарушить при этом правила рифменного созвучия, Пушкин заменил первоначальное обращение к Жуковскому – «Как наших дней певец, Славянской Бард дружины» – на следующее обращение к Державину: «Как древних лет певец, как лебедь стран Еллины» [5, с. 376]. Поводом для критики этого пушкинского стиха для В. Ф. Ходасевича послужил неологизм «Еллина», сомнительный, на его взгляд, как с точки зрения правил словообразования, требующих от сочинителя исчерпывающего представления о называемом им предмете или явлении, так и с точки зрения элементарных законов здравого смысла, предполагающих уместность в употреблении вновь образованного слова. «Что значит Еллины, – рассуждает В. Ф. Ходасевич, – он <А. С. Пушкин – В. Ч.> сам не знал; ее никогда не существовало. Если даже счесть ее за Элладу, то почему же Державин – лебедь Эллады? Допустим, это намек на анакреонтические стихи. Но к стати ли обращаться к Державину-Анакреону, когда речь идет о военных подвигах? Но выхода не было, Пушкин решил, что сойдет и так. Вся строфа была довольно туманна» [5, с. 376]. Таким образом, В. Ф. Ходасевич направляет в сторону А. С. Пушкина известную негативную оценку Г. Р. Державина как поэта, которую тот дал в письме к А. А. Дельвигу, датированному июнем

1825 г.: «Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка – (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии – ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. <...> читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей богу, его гений думал по-татарски – а русской грамоты не знал за недосугом. <...> Гений его можно сравнить с гением Суворова – жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом» [3, с. 185].

Образ А. С. Пушкина-«проказливого сочинителя» в освещении В. Ф. Ходасевича трансформируется в «истинного поэта», когда тот начинает читать свои стихи, посвященные Г. Р. Державину. С А. С. Пушкиным происходит чудо преображения, о причинах которого можно только догадываться. Сам мемуарист со свойственной ему лаконичностью упоминает о необычно малом расстоянии в два шага между ним и Г. Р. Державиным, а также о стихах, в которых упоминается имя Г. Р. Державина, как о возможных источниках снизошедшего на него вдохновения. ИВ. Ф. Ходасевич буквально следует за пушкинскими формулировками, «от себя» фиксируя только момент исчезновения «земных» чувств А.С. Пушкина, которые как бы расплавились под воздействием высшей поэтической правды, исходящей от личности и творчества Г. Р. Державина: «Сердце его было так полно, что самый обман, совершенный им, как бы исчез, растворился, и читая последнюю строфу, он уже воистину обращался к сидящему пред ним старцу:

*О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй!
В кругу друзей твоих, с душой воспламененной
Взгреми на арфе золотой;
Да снова стройный глас Герою в честь прольется,
И струны трепетны посыпят огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца!» [5, с. 378].*

И Г. Р. Державин, по В. Ф. Ходасевичу, откликнулся на обращение юного поэта, даже не усомнившись в подлоге. Кому же как не ему было знать, что подобные понятия, подлежащие ведению юридических законов и правовых норм, попросту не существуют в мире чистой поэзии; что в этом мире действуют совсем, совсем другие законы. А что до сих пор неведомый ему А. С. Пушкин оказался истинным поэтом, то есть глубоко родственным ему существом, Г. Р. Державин, как показал В. Ф. Ходасевич, осознал бесповоротно, раз и навсегда, и передал это свое мистическое знание *orbi et urbi*, благословив того на поэтическое служение. Описывая поведение потрясенного Г. Р. Державина, вставшего в полный рост навстречу открытому им гению и попытавшегося его обнять, В. Ф. Ходасевич добавляет очень важный штрих, отсутствующий в воспоминании А. С. Пушкина, однако зафиксированный в уже цитированной чеканной формулировке из «Евгения Онегина»: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил». На наш взгляд, жест благословения со стороны Г. Р. Державина в изображении В. Ф. Ходасевича можно усмотреть в поднятии его рук над голову А. С. Пушкина: «И Державин вдруг встал. На глазах его были слезы, руки его поднялись над кудрявою головою мальчика, он хотел обнять его – не успел: тот уже убежал, его не было» [5, с. 378].

Таким образом, В. Ф. Ходасевич реинтерпретирует воспоминания А. С. Пушкина о встрече с Г. Р. Державиным, опираясь на творчество мемуариста в его полном объеме. Ироничные и прозаизированные мемуары подвергаются существенной ретушировке введением поэтического, то есть идеалистического по своей природе, плана. Лирические «мемуары» из «Евгения Онегина» оказываются, по В. Ф. Ходасевичу, «истиннее» более подробных, детализированных мемуаров эпических, если речь идет о встрече в замкнутом пространстве трех измерений двух великих поэтов, существ по своей природе духовных, если не сказать больше.

К теме «Пушкин и Державин» В. Ф. Ходасевич не один раз обращался в своем историко-биографическом творчестве, полагая ее ключевой при решении проблемы эволюции всей русской литературы. По В. Ф. Ходасевичу, явление А. С. Пушкина оказалось в конечном итоге роковым для всего ее последующего хода, для судеб русских поэтов и писателей XIX – XX вв., ввиду его сознательного отказа от традиционных взглядов на соотношение жизни и творчества поэта, последним значительным носителем которых являлся Г. Р. Державин, и культивирования принципов жизнотворческого поведения, предполагающих построение поведенческих стратегий по законам собственного творчества. В этой связи бегство А. С. Пушкина от благословения Г. Р. Державина приобретает в освещении В. Ф. Ходасевича глубоко символический смысл, выяснение которого потребовало бы дополнительных исследований.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. – Т. 1. – М.: «Правда», 1981. – 416 с.
2. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. – Т. 4. – М.: «Правда», 1981. – 432 с.
3. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти томах. – Т. 9. – М.: «Правда», 1981. – 448 с.
4. Кошелев В. А. «Но, ах, почто так долго жить?» (О феномене «Старика Державина» в литературе начала XIX века) // Державинский сборник. – Новгород: Изд-во НГУ, 1995. – С. 12 – 25.
5. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. – Т. 4. – М.: Согласие, 1997. – 744 с.

**«... AND BLESSED US AS HE DESCENDED TO THE GRAVE» (THE EXAMINATION
IN TZAR VILLAGE'S LYCEUM IN V.F. KHODASEVICH'S OPINION)****V. A. Cherkasov***Belgorod National
Research University**e-mail:**cherkasov@bsu.edu.ru*

The article considers the famous meeting of the two geniuses of the Russian poetry – G. R. Derjavin and A. S. Pushkin, which is represented by V. F. Khodasevich in his biography «Derjavin» (1931). V. F. Khodasevich follows the principle «two plans», which is characteristic for A.S. Pushkin's memoirs, but at the same time he transforms it largely. The Biographer uses this principle in respect of A. S. Pushkin's and A. A. Delvig's personalities. He re-interprets A.S. Pushkin's prosaic memoirs taking into account their lyrical version.

Keywords: life-creating pattern, literary personality, biographic personality, the hierarchy of Russian writers.